
Политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации*

© 2020 г. Н.Н. Емельянова

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, 119049, Мароновский пер., д. 26.

E-mail: nata.emelyanova86@gmail.com

Поступила 16.01.2020

Статья посвящена включению политики памяти в более широкий круг проблем национальной безопасности, который определяется феноменом секьюритизации. Автор ставит вопрос о методологических ограничениях исследований коллективной памяти; кроме того, в статье подчеркивается сложность перенесения категориального аппарата исследований особенностей индивидуальной памяти в соответствующую область исследований коллективной памяти. Отмечается актуальность работы с такой категорией, как «травма коллективной памяти», а также проводится мысль о том, что под «травмой коллективной памяти» можно понимать различные проявления процессов конституирования нового пространства в контексте дихотомии «свой-чужой». Опираясь на современные исследования, автор подчеркивает, что особенный интерес в таком контексте представляет положение постсоветского пространства Центральной Азии. Благодаря историко-философскому и политологическому ракурсу возникает возможность рассмотреть его в виде масштабного пространства кризисов идентичностей, сформировавшегося в результате многослойных травм коллективной памяти и попыток работы с ними как со стороны центральноазиатских национальных государств, так и со стороны других стран-акторов. Автор данной статьи также фиксирует сложность работы с тематикой коллективной памяти в контексте национальных и наднациональных нарративов центральноазиатских государств.

Ключевые слова: коллективная память, травма коллективной памяти, политика памяти, дихотомия «свой-чужой», Центральная Азия.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7–30–34

Цитирование: *Емельянова Н.Н.* Политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 30–34.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00371).

Politics of Memory and Trauma to Collective Memory Under Securitization Conditions*

© 2020 Natalya N. Emelyanova

State Academic University for the Humanities,
26, Maronovsky by-str., Moscow, 119049, Russian Federation.

E-mail: nata.emelyanova86@gmail.com

Received 16.01.2020

The article is devoted to the inclusion of the politics of memory in a wider range of national security problems, which is determined by the phenomenon of securitization. The author raises the question of the methodological limitations of the research of collective memory; in addition, the article emphasizes the difficulty of transferring the categorial apparatus of research in the characteristics of individual memory into the corresponding area of research of collective memory. The relevance of using such a category as a “collective memory trauma” is noted, and the idea that “collective memory trauma” can be understood as various manifestations of the processes of constituting a new space in the context of the “own or alien” dichotomy is shown. Based on modern research, the author emphasizes that the position of the post-Soviet space of Central Asia is of particular interest in this context. Thanks to the historical-philosophical and political science perspective, it is possible to consider it in the form of a large-scale space of identity crises, formed as a result of multilayer injuries of collective memory and attempts to work with them both from the Central Asian national states and other countries. The author of this article also fixes the complexity of working with the theme of collective memory in the context of national and supranational narratives of Central Asian states.

Keywords: collective memory, trauma to collective memory, politics of memory, dichotomy of “own/alien”, Central Asia.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-30-34

Citation: Emelyanova, Natalya N. (2020) ‘Politics of Memory and Trauma to Collective Memory Under Securitization Conditions’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2020), pp. 30–34.

Формирование политики памяти в современных государствах непосредственным образом связано с таким явлением, как *секьюритизация*. Начиная со второй половины 1990-х гг. абсолютное большинство государств рассматривает секьюритизацию в качестве необходимого принципа реализации системной государственной политики. Термин в научный оборот ввел профессор Копенгагенского университета Оле Вейвер. Дальнейшая концептуальная проработка секьюритизации как принципа и процесса была проведена в монографии «Безопасность: новые рамки для анализа», в подготовке которой помимо Оле Вейвера приняли участие такие исследователи, как Барри Бузан и Джап де Вейл [Buzan, Waever, Wilde 1998]. Отходя от классического понимания безопасности в духе политического реализма и конструктивизма, секьюритизация позволяет существенно расширить вопросы национальной безопасности до различных проблемных зон развития всех сфер общества. В РФ расширенная трактовка вопросов безопасности на уровне стратегического планирования была официально признана, как только в Стратегии национальной безопасности страны появилось утверждение о том, что «ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции» (еще в первой редакции, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537).

Политика памяти выступает ментальным основанием культурной безопасности государства, ведь культура всегда включена в исторический контекст и связана с историей. Она не статична и разворачивается во времени и пространстве, отражая социальные перемены и потрясения. В то же время культура не только обновляется, но и сохраняет свои ключевые элементы, сохраняет себя при помощи специальных социокультурных механизмов преемственности (в том числе ценностной), транслирующих каждому новому поколению культурное наследие предшествующих эпох. Как только межпоколенческая культурная связь обрывается, дальнейшее существование культуры оказывается под угрозой, она может уйти в разряд так называемых «мертвых культур». На уровне государств, наций, такой разрыв межпоколенческих культурных связей ставит вопрос о дальнейшем существовании государственности в прежних формах. Вот почему тема культурной безопасности входит в систему национальной безопасности, а главным механизмом ее воспроизводства сегодня становятся механизмы и инструменты, воспроизводящиеся в политике памяти.

Политика памяти как область символической политики, задающая рамки коллективных практик отношения к прошлому и его интерпретации, таким образом, также может быть рассмотрена как проблема политической и социальной безопасности и соотносится с коллективной идентичностью и коллективной памятью. Однако если наличие коллективной идентичности как особого социального механизма регуляции системы отношений «свой-чужой» у исследователей не вызывает сомнений, то применение термина «коллективная память» сталкивается с определенными методологическими затруднениями: нет не только единого определения понятия «коллективная память», но и отсутствует консенсус относительно того, можно ли исследовать основные механизмы коллективной памяти, опираясь на ряд наработок исследований особенностей индивидуальной памяти. Одним из ярких примеров здесь являются попытки исследования значимых элементов памяти (как индивидуальной, так и коллективной) через травмирующий опыт – *травмы памяти*.

Однако стоит ли обращаться к травматизации в исследованиях коллективной памяти? В целом политико-философский ракурс проблематики кризиса идентичности и нарративов исторической памяти может быть представлен через призму двух разновекторных подходов к оценкам коллективной памяти: это оценки прошлого в контексте национальных нарративов памяти (П. Нора, М. Хальбвакс, Л. Нитхаммер), с одной стороны, и различные программы глобальной исторической ответственности, или глобальной памяти, с другой (А. Миллер, Д. Левин, Н. Шнайдер).

Если ландшафт воспоминаний и связанных с ними коллективных оценок прошлого в национальном нарративе памяти напрямую связан с формирующейся в том или ином отрезке времени дихотомии «свой-чужой», то нарратив глобальной памяти, призывает отказаться от любого сознательного конституирования историко-культурного пространства в системе «свой-чужой» в сторону глобального консенсуса и солидаризации взгляда государств на мировой политический процесс. В то же время бум «новых» национализмов на рубеже XX–XXI вв., в том числе в странах постсоветского пространства, расширение процессов регионализации являются существенными доказательствами того, что категория «национальный интерес», а вместе с ней и коллективная память, выстраиваемая через призму национального нарратива исторической памяти, не уходит с авансцены мирового политического процесса. Кризисы идентичности в таком контексте возможно идентифицировать как процессы конституирования нового пространства «свой-чужой». Кроме того, в национальном нарративе исторической памяти именно кризисы идентичности корректно соотносить с проблематикой коллективных травм памяти.

Обновление пространства «свой-чужой» (его географическое и / или аксиологическое расширение или сужение, наполнение новыми смыслами и трактовками, как с негативными, так и с позитивными последствиями) нередко формируется в ситуации травмирующего коллективного опыта. К наиболее значимым травмам памяти относятся масштабные и длительные военные действия, а также периоды социальных переломов (например, распад СССР), в результате которых возникает конфликтность и противоречивость коллективных оценок сложившегося национального (или наднационального)

нарратива – или *травмы памяти* переломных эпох, закладывающие эффект «фантомных болей» в перспективе нескольких поколений и фундамент для возможных информационных атак на коллективный национальный нарратив. В данном контексте травмы коллективной памяти рассматриваются с синтетической позиции, соединяющей в себе психологическую и социологическую традиции изучения коллективных травм: учитываются как субъект (субъекты), так и дискурс травмирующего опыта [Anikin, Golovashina 2017, 78–84].

Следует отметить, что травмы коллективной памяти, особенно относительно недавние, не имея однозначных коллективных оценок, определяются однозначно высоким уровнем эмоциональной окрашенности отношения к тому или иному историческому факту и (или) событию. Высокая эмоциональная окрашенность подчиняется темпоральной логике (чем ближе с временной точки зрения событие, тем выше уровень эмоционального отношения к нему) и позволяет фиксировать необходимость включения исторического события в национальный нарратив и формировать своеобразные «карты памяти», нередко благодаря использованию устноисторической методологии.

Постсоветское пространство Центральной Азии в этом контексте представляет отдельный интерес, оно может быть рассмотрено в виде масштабного пространства кризисов идентичностей, сформировавшегося в результате многослойных травм коллективной памяти и попыток работы с ними как со стороны центральноазиатских национальных государств, так и со стороны других стран-акторов, претендующих на роль ценностных интеграторов в мегарегионе (России, Турции, Ирана, США, Индии, Китая) [Майтдинова 2013, 36–45]. Поэтому в политике памяти центральноазиатских государств могут прослеживаться, иногда противоречиво переплетаясь, такие модели, как: а) конституирование наднационального нарратива в контексте изменений дихотомии «свой-чужой» – в контексте расширения рамок «своей» и «чужой» истории (например, распространение китайской идентичности в западной части Казахстана при помощи различного рода общественных и культурных инициатив из китайского города Урумчи или работа с тюркским компонентом совместной истории центральноазиатских государств и Индии); б) активное конституирование национального нарратива путем изменений в понимании «свой-чужой» – в контексте «своей» и «чужой» коллективной памяти о ключевых событиях и фактах исторического процесса. Здесь особое значение принимает осмысление и оценка опыта советского прошлого [Абашин 2016, 28–49].

Опыт постсоветского развития центральноазиатских государств, таким образом, демонстрирует необходимость работы не только с национальной памятью, но и наднациональными нарративами исторической памяти, что имеет принципиальное значение для формирования Центральной Азии как нового мегарегионального центра. В то же время проработка нарративов коллективной памяти от национального к наднациональному в политике памяти центральноазиатских государств в настоящее время практически невозможна в силу того, что в них еще идут неоднозначные процессы формирования национальных нарративов. Поэтому политики памяти, способной сформировать национальный консенсус, в странах Центральной Азии пока не существует. Мы можем лишь констатировать различные попытки выработки общего нарратива (в том числе по отношению к травмам коллективной памяти). Этот факт сужает возможности по формированию единого ментального пространства для России и центральноазиатских государств, но, тем не менее, и возможности для маневра еще полностью не исчерпаны.

Ссылки – References in Russian

Абашин 2016 – Абашин С. Советское = колониальное? (за и против) // Понятия о советском в Центральной Азии. Альманах. Бишкек: Штаб-Press. 2016. С. 28–49.

Аникин, Головашина, 2017 – Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского Государственного университета. 2017. № 425. С. 78–84

Майтдинова 2013 – Майтдинова Г.М. Геополитическая динамика в постсоветской Центральной Евразии в начале второго десятилетия XXI века // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2013. № 3 (118). С. 36–45.

References

Abashin, Sergey (2016) 'Soviet = colonial? (Pros and Cons)', *Concepts of Soviet in Central Asia. Almanac*, Shtab-Press, Bishkek, pp. 28–49 (in Russian).

Anikin, Daniil A., Golovashina, Oksana W. (2017) 'Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research', *Tomsk State University Journal*, 425, pp. 78–84 (in Russian).

Maitdinova Guzel (2013) 'Geopolitical dynamics in post-Soviet Central Eurasia at the beginning of the second decade of the XXI century', *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3. Social Sciences*, 3 (118), pp. 36–45 (in Russian).

Buzan, Barry, Waever, Ole, Wilde, Jaap de (1998) *Security: A New Framework for Analysis*, Lynne Rienner Publishers, Bolder, London.

Сведения об авторе

ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья Николаевна –
кандидат политических наук, доцент
Государственного академического университета
гуманитарных наук.

Author's Information

EMEL'YANOVA Natalya N. –
CSc in Political Sciences, senior lecturer
at the State Academic University
for the Humanities.